

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-4-3

Эльке Шерстяной¹

Институт современной истории
Ассоциации Лейбница,
Мюнхен–Берлин, Германия
scherstjanoi@ifz-muenchen.de

Elke Scherstjanoi

Doctor habilitatus, research fellow
Leibniz Institute for Contemporary History
Munich-Berlin, Germany
scherstjanoi@ifz-muenchen.de

**Повседневная жизнь победителей в советской зоне оккупации Германии
в воспоминаниях участников событий^{2*}**

**Everyday Life of the Victors in the Soviet Occupation Zone in Germany
in the Memoirs of Participants in the Events**

Аннотация. В ходе многолетней работы появилась книга о повседневной жизни служащих советских оккупационных войск и администрации в Германии в 1945–1949 гг. Состояние исследования в данный момент не предполагает обобщенного социокультурного

¹ Перевод с немецкого выполнен Н.С. Руденко.

² Данная работа представляет собой сокращенное введение к книге «Жизнь победителей в Германии. Фрагменты непрacticовавшейся ретроспективы. О повседневной жизни советских оккупантов в Восточной Германии в 1945–1949 гг.», подготовленной к изданию Э. Шерстяной (*Sieger leben in Deutschland. Fragmente einer ungeübten Rückschau. Zum Alltag sowjetischer Besatzer in Ostdeutschland 1945–1949* / Hrsg. Elke Scherstjanoi. – Gransee: Edition Schwarzdruck, 2020).

This contribution is a shortened version of the introduction to Elke Scherstjanoi, ed., *Sieger leben in Deutschland. Fragmente einer ungeübten Rückschau. Zum Alltag sowjetischer Besatzer in Ostdeutschland 1945–1949* (Gransee: Edition Schwarzdruck, 2020).

*Для цитирования: Шерстяной Э. Повседневная жизнь победителей в советской зоне оккупации Германии в воспоминаниях участников событий // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 1174–1213. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-4-3

For citation: Scherstjanoi, E. “Everyday Life of the Victors in the Soviet Occupation Zone in Germany in the Memoirs of Participants in the Events.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 4 (2020): 1174–213, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-4-3>

обзора, но свидетели того времени предоставляют нам интересные эго-источники. Двенадцать таких источников, дополненных редкими фотографиями, составили книгу, которая предназначена для широкого круга читателей в Германии и демонстрирует мультиперспективный взгляд на рождение новой Германии после войны. В данной статье представлена часть введения к книге.

Ключевые слова: Германия, послевоенное время, оккупационные органы, Советская военная администрация в Германии, повседневность, эго-документы, интервью, устная история, межкультурные контакты.

Abstract. Many years of work resulted in a book on the everyday life of Soviet military and civil personnel of the Soviet occupation forces and administration in Germany in 1945–49. The current state of research does not allow a generalized socio-cultural overview as yet, but contemporary witnesses can provide us with interesting ego-sources. Twelve of such sources, flanked by rare photographs, were compiled into a book which is intended for broad readership in Germany and suggests a multi-perspective view of the new beginning in Germany after the end of the war in 1945. The article contains a fragment of the introduction to the book.

Key words: Germany, post-war period, occupation organs, Soviet Military Administration in Germany, everyday life, ego-documents, interview, oral history, intercultural encounter

Органы оккупационной власти

В конце Второй мировой войны, после капитуляции вермахта 8 мая 1945 г. и прекращения военных действий в Европе, на территории Германии оказалось значительное число солдат и офицеров Красной Армии. Основная часть советской военной машины была сосредоточена к западу от Нейсе и Одера. С середины апреля 1945 г. в Берлинской операции было задействовано 28 армий, включая 2 польские, общее количество бойцов составляло 2,5 миллиона человек. В последние три недели войны в боях пали около 350 000 советских и 9 000 польских солдат и офицеров.

8 и 9 мая войска Красной Армии вместе с союзниками – американской армией и Королевской армией Великобритании – праздновали победу над Германией на ее территории. Миллионы советских солдат праздновали победу по всей Европе. В соответствии с достигнутыми ранее договоренностями, в июле 1945 г. восточная держава-победительница получила от союзнических британских и американских войск территории в Тюрингии, Ангальте и Мекленбурге. Была создана советская оккупационная зона в той части страны, которая называлась тогда Центральной Германией. Будущие границы Германии должен был установить мирный договор. Победители разделили столицу государства Берлин на четыре сектора: американский, британский, французский и советский, – и соответственно дислоцировали в них свои войска и органы оккупационной администрации.

Фото неизвестного солдата (г. Фрайберг, Саксония, 1945 г.)
Из личного архива семьи Бейшовец.

К концу 1945 г. из Германии было выведено 500 000 бойцов Красной Армии. Тем не менее, на оккупированных немецких территориях оставалось еще очень много красноармейцев. Демобилизация продолжалась до 1946 г. Летом 1945 г. большая часть солдат была занята ввозом зерна, демонтажные бригады разбирали и грузили промышленное оборудование, хозяйничали на складах вермахта, перегоняли на восток крупный рогатый скот и лошадей.

Советская оккупационная зона стала основным местом дислокации Группы советских оккупационных войск в Германии, носившей такое название до 1954 г. В последующие годы оккупации места расположения гарнизонов и расквартирования войск менялись. Формирования реорганизовывались, их численный состав и оснащение оптимизировались. Данное исследование исходит из того, что в середине 1945 г. численность оккупационных войск составляла около 1,5 миллионов человек, в 1947 г. – около 0,3 миллиона, в 1949 г. – при-

мерно 0,6 миллиона человек¹. Большинство военнослужащих рядового состава должны были подчиняться строгой военной дисциплине и могли вступать в личный контакт с немецким населением только в порядке исключения и в присутствии офицера. Но для офицеров ситуация была иной. Не будучи связанными никаким прямым запретом на вступление в дружеские отношения с немецким населением, советские офицеры контактировали с ним самыми разными способами, не только по служебной надобности, но и в свободное время.

Сотрудники комендатуры (г. Нойгерсдорф, Саксония, 1945 г.)
Фотография из личного архива историка К. Хермана.

Наряду с оккупационными войсками, у СССР, начиная с июня 1945 г., появились органы оккупационной власти с комендатурами во всех районах, в больших городах, в столицах федеральных земель и в крупных промышленных центрах. Летом 1945 г. в каждом населенном пункте с 5 000 жителей и более находились советские комендатуры, в которых было от 10 до 200 сотрудников и караульных. Служащие комендатур несли караул и патрулировали территорию. Они охраняли значимые объекты: здания, где располагались сами комендатуры, склады, пункты выдачи горючего, телеграф, железнодорожные станции, а также границы оккупационной зоны и федеральных земель. Оккупационные власти сначала наделяли полномочиями, а затем сопровождали работу

¹ В российской литературе встречаются и другие данные, например, о 2,9 миллионах человек в Группе советских оккупационных войск в Германии в 1949 г.

новоназначенных бургомистров, полицейских и руководителей учреждений. В отношении охраны правопорядка и уголовного розыска они являлись высшими органами исполнительной власти. Поначалу, благодаря собственным сельскохозяйственным и пищевым предприятиям (подсобным хозяйствам) их существование во многом обеспечивалось за счет самоснабжения.

Органы оккупационной власти состояли из военных администраций федеральных земель и провинций оккупационной зоны, с самой большой численностью персонала в Саксонии и самой маленькой – в Тюрингии. Координацию и общее руководство осуществлял центральный орган оккупационной зоны – Советская военная администрация в Германии (СВАГ), которая базировалась в районе Берлина – Карлсхорсте. К концу 1945 г. административная структура включала в себя около 650 комендатур. Постепенно она сокращалась: к середине 1946 г. осталось примерно 300, а в 1948 г. – всего 178 комендатур, в основном это были районные комендатуры, а также комендатуры в крупных городах. Когда 7 октября 1949 г. на территории Советской оккупационной зоны была основана ГДР, почти все местные опорные пункты уже были ликвидированы.

Сотрудники советской оккупационной власти вошли в повседневную жизнь немцев как политическая власть, как блюстители порядка, как официальные лица, дающие служебные поручения, как цензоры или партнеры немецких органов власти. Однако у них были и свои личные цели, связанные в первую очередь с жизнеобеспечением: они были и квартиросъемщиками, и работодателями, и просто прохожими на улице; посещали общественные спортплощадки, кинотеатры, рестораны и пляжи, пользовались транспортом, были акторами в разнообразных процессах воздействия на созданную человеком и на природную среду. Они имели неограниченный доступ в немецкие учреждения и к руководству предприятий. А основанием их присутствия было международное право.

Включая комендатуры, в 1946 г. в структурах СВАГ работало около 60 000 человек, которые занимались надзором за разоружением, денацификацией и политической реорганизацией Восточной Германии, а также обеспечивали выплату репараций. Как и ее западные союзники, восточная держава-победительница непрерывно оптимизировала свой аппарат в зоне оккупации. Специалистов присылали из Советского Союза. В 1947 г. примерно каждый пятый сотрудник оккупационных органов был гражданским лицом. В распоряжении советских оккупационных органов было много небольших, частично мобильных опорных пунктов, которые обеспечивали внутренние функции. К ним относились: пункты радиосвязи, железнодорожные и портовые контрольно-пропускные пункты, автобазы, ремонтно-прокатные пункты. Для своих сотрудников у оккупационных властей имелись почтовые и банковские отделения, билетные кассы, магазины, склады товарно-материальных ценностей, больницы, дома отдыха, парикмахерские, гостиницы, мастерские и другие объекты об-

служивания, а позднее появился даже ЗАГС. Работали демонтажные и трофейные бригады. Функционировали сборные и фильтрационные лагеря для репатриации советских граждан и граждан других стран. Московские министерства и ведомства, отвечавшие за работу различных отраслей народного хозяйства СССР, направляли в зону оккупации собственные экспертные комиссии, которые контролировали демонтажные работы, поставки из текущего производства и научно-технические изъятия по репарациям или руководили Советскими акционерными обществами (предприятиями, которые перешли в собственность СССР и управлялись СВАГ для погашения претензий СССР по репарациям). Не стоит забывать и о межсоюзнических учреждениях в Берлине. Кроме того, существовали специальные советские органы преследования, такие как спецлагеря (лагеря для интернированных лиц), военные трибуналы и служба безопасности с собственными отделениями. Определить точное количество сотрудников органов безопасности, включая надзирающий персонал лагерей для интернированных и тюрем, пока не представляется возможным.

На всех этих объектах работали люди, которые присутствовали в повседневной жизни Восточной Германии в качестве служащих оккупационных войск и оккупационной администрации. Немцы не всегда могли точно соотнести их с каким-либо местом службы или учреждением, так как часто все эти инстанции располагались в непосредственной близости друг от друга и были для немцев «на одно лицо».

Поскольку офицерам и высокопоставленным служащим разрешалось привозить на место службы членов семей, а большинство старших офицеров и генералов имели семьи, то к 1948 г. в Восточную Германию прибыло в общей сложности около 25 000 жен и детей сотрудников СВАГ и офицеров оккупационных войск. Для детей открывались школы. Можно говорить о том, что до 1949 г. помимо служащих оккупационных войск и членов семей около 100 000 советских граждан принимали непосредственное участие в послевоенном развитии Восточной Германии. По официальным данным, до вывода российских войск из Германии в 1994 г. более 8 миллионов советских граждан побывали на территории ГДР по долгу службы.

Персональные данные этого огромного количества военных, сотрудников, советников и соратников до сих пор практически не исследованы. А о тех людях, которые работали в аппарате оккупационных органов власти с 1945 г. по 1949 г., информации еще меньше. По национальности они были, в основном, русскими, украинцами, белорусами и казаками. Но немцы называли их всех одинаково – «русские»².

² Еще в 1930-е гг. в Германии употреблялось и сокращение “Sowjets” («советские люди», «советские власти»), которое также использовали британцы и американцы. Термин исполь-

Немецкая память

В повседневной жизни Восточной Германии 1945–1949 гг. «русских» нельзя было не заметить. Они не только инструктировали немецкие власти и должностных лиц, политиков и руководителей предприятий, но и осуществляли контроль, одних немцев преследовали, а другим – оказывали протекцию. Они *жили* среди немцев. Они затронули – через политические меры, нормы повседневной жизни или эпизоды случайных контактов – бесчисленное количество немецких судеб.

О повседневной жизни «русских» оккупантов немцам не известно почти ничего. В какой-то мере это следствие того, что опубликованные воспоминания, крайне мало востребованные и подвергнутые политический цензуре на родине самих победителей, вернулись в Германию в виде мемуарной литературы лишь в очень небольшом количестве. Однако решающим следует признать тот факт, что у побежденных интерес к чужой культуре был выражен очень слабо. Внезапные прямые контакты часто вызывали страх, а в дистанцированном восприятии чужого образа жизни доминировали неприятие и предвзятость. В последующие годы традиционное высокомерие и ненависть со стороны немецкого населения постепенно ослабевали, но не исчезли полностью. И это при том, что в свое время многие немцы регулярно и добровольно, имея пропуск в необходимых случаях, бывали в советских анклавах, которые со временем становились все более и более изолированными, и видели комендатуры, советские жилые городки, дома культуры, редакции средств массовой информации в зоне оккупации изнутри. Многие пережили советские лагеря и тюрьмы.

И хотя сегодня имеются разные, более или менее конкретные образы, воспоминания и рассказы о «русских», пробел в знаниях наиболее велик у западных немцев и у молодого поколения в целом. Они не сталкивались с «русскими» лицом к лицу, не встречали их у шлагбаумов, в караульных, во время полицейских рейдов и проверок на дорогах, на погрузочно-разгрузочных работах, в «русских магазинах» или на официальных торжествах и митингах. Они не видели «русских» за рулем автомашин и в кузовах грузовиков. Сегодня они даже не заметили бы на фотографиях белый круг на задней части темно-зеленого военного автомобиля (Чтобы отличать войсковую принадлежность военных автомобилей, начиная с 60-ых годов грузовые и легковые машины советских войск в Германии на задней части кузова имели белый круг диаметром около 25 см, а машины национальной армии ГДР – два белых треугольника). Они ничего не знают о помощи «русских» при наводнении на Одере в начале 1947 г., не знают об их помощи в уборке урожая. Они не сталкивались с «русскими» патрулями, не видели парадов, не слышали песен, которые пели красноармей-

зовался достаточно широко. Слово может показаться нейтральным, но на самом деле демонстрирует неприятие, в том числе и в научных контекстах.

цы, чеканя шаг на улицах перед казармами. Они не убирали в домах и не готовили еду для «русских», не шили для них, не присматривали за их детьми. Но даже если бы они все это пережили, у них не сложилось бы целостного представления о частной жизни, целях, ценностях, повседневных заботах и радостях оккупантов. Ибо только в исключительных случаях контакты заходили глубоко в личное пространство.

Сегодня в немецкоязычных медиа можно найти кое-какие сведения о структуре советских войск в Германии, местах расположения их гарнизонов на картах. Нам известны и некоторые тонкости организации оккупационной власти. В специальной литературе подробно рассматриваются лагеря для интернированных и военные трибуналы, а руководящие сотрудники НКВД-МВД в Германии известны поименно. Можно посетить мемориалы «подвалы КГБ» и развалины гарнизонных построек. В объединенной Германии они являются частью той мемориальной культуры, которая сфокусирована на позиции жертвы. В немецкой мемуарной литературе о «русских» регулярно приводятся малоинформативные в познавательном плане размышления о «насилии над немецкими женщинами» и о «русских детях» («*Russenkinder*») – детях немецких женщин от советских солдат. Некоторые пожилые немцы еще могут рассказать о пережитом в годы ГДР. В зависимости от расположения духа и разделяемых взглядов, они могут поделиться воспоминаниями о пьяных офицерах в деревенских пивных и о полных тайн и секретности операциях по поимке дезертиров, о непривычно одетых ярко накрашенных чужих женщинах и о девочках с большими бантами, о «дружеских встречах» советских солдат с солдатами армии ГДР. В немецких семьях до сих пор помнят рассказы о принудительных выселениях из квартир и домов в 1945–46 гг. Некоторые рассказывают о настоящей дружбе, а кое-кто – об искренней привязанности и любви. Как правило, это краткие эпизоды, трансформировавшиеся в памяти под влиянием последующего опыта.

Но при этом в современную немецкую коллективную память попало очень немного из того, что связано с годами наиболее интенсивного повседневного взаимодействия победителей и побежденных, со временем, которое предшествовало основанию ГДР. На протяжении десятилетий к воспоминаниям немцев об оккупантах, именно как о людях, обращались очень мало, и вряд ли эти воспоминания когда-либо смогут оформиться в многослойный и многогранный пласт культурной памяти. И потому сегодня историкам приходится прилагать немало усилий, чтобы реконструировать различные аспекты взаимодействия победителей и побежденных в послевоенное время, – и каждую такую попытку сразу же начинают рассматривать сквозь призму современных политических дебатов о немецко-русских отношениях.

Повседневная жизнь военнослужащих советской оккупационной зоны

Из чего складывалась повседневная жизнь оккупантов после мая 1945 г., что двигало ими как личностями, нравилось ли им служить в Германии или нет, как конкретно вознаграждался и оценивался их труд, как они поддерживали связь с родиной, – всего этого мы, немцы, не знаем. Недостаточно исследовано и то, как солдаты и офицеры армии-победительницы воспринимали немцев. Очевидно, что пребывание в Германии оставило свой след и в их жизнях.

Ряд исторических источников дает нам информацию о некоторых аспектах жизни военнослужащих в советской оккупационной зоне³. На их основе вряд ли можно идеально реконструировать собирательный образ «русского» в тех условиях, но из архивных документов можно почерпнуть немало фактов. В частности то, что это были преимущественно молодые мужчины, а среди низших чинов – и совсем юные. Если рассматривать 1948 г., то среди примерно 25 500 военных в местных оккупационных органах было 38 генералов и 8 200 офицеров; половина из них родились между 1911 г. и 1921 г. и были в возрасте от 27 до 37 лет, а четверть – старше. Рядовой состав был представлен преимущественно теми, кто родились в 1925–1927 гг. и, соответственно, были в возрасте от 21 года до 23 лет. Среди генералов и офицеров только 4 % не были членами Коммунистической партии, кандидатами в ее члены или комсомольцами. Доля коммунистов в рядовом составе также была довольно велика. Она составляла примерно 40 %, что объяснялось участием многих из них в войне. Более 80 % генералов и офицеров комендатур до начала войны уже были профессиональными военными, у большинства – за плечами от 5 до 10 лет военной службы, более 80 % имели непосредственный боевой опыт. В целом, 60 % всех военнослужащих в свое время сражались на фронте.

Уровень образования был сравнительно низким. Среди рядового состава комендатур 65 % окончили лишь обязательную по закону начальную четырехлетнюю школу. Предположительно, так же дело обстояло и в войсках. С другой стороны, 40 % генералов и офицеров закончили высшие учебные заведения, еще 37 % имели достаточный уровень образования для поступления в вуз. Экономическими отделами СВАГ, крупными демонтажными бригадами и советскими акционерными обществами руководили только те, кто имел высшее или среднее специальное образование и частично мог опираться на административно-хозяйственный опыт, полученный на родине.

В 1948 г. среди сотрудников советских оккупационных органов женщин-военнослужащих почти не было. В 1945 г. большинство девушек и женщин были демобилизованы из армии. Совсем немногие, в основном незамужние, женщины остались работать переводчицами и делопроизводителями. После 1945 г.

³ Приведенные ниже данные взяты из различных дел фонда СВАГ в ГАРФ, которые автор изучает уже много лет, планируя подготовить монографическое исследование.

женщины продолжали работать в военных гарнизонах и комендатурах, в области здравоохранения и в сфере обслуживания. Часть из них были бывшими «остарбайтерами».

Крайне интересны данные о национальном составе комендатур. По спискам, датированным серединой 1948 г., 80 % всех военнослужащих были русскими, украинцами или белорусами. Литовцев, латышей и эстонцев среди них было очень мало: в боевых соединениях они составляли меньшинство, а репатриантов из Прибалтики особенно быстро и целенаправленно отправляли на родину. Вопреки некоторым поспешным обобщениям, доля евреев в числе офицерского состава оккупационных учреждений также была невысока. В комендатурах она составляла 6 %.

Как показывают архивные материалы, с формальной точки зрения будни во всех комендатурах были одинаковыми: один и тот же устав, порядок субординации и распорядок дня, строевая подготовка, учения и политические мероприятия, одни и те же возможности проводить досуг и постепенно складывающиеся традиции. В расположении советских войск в Германии в 1945 г. действовало московское время. Для всех служба начиналась в 7:30 с утренней зарядки (для офицеров – под личную ответственность, для солдат – групповая в своем подразделении) и заканчивалась поздним ужином в 23:00. С переходом на среднеевропейское время в апреле 1946 г. было введено и единое для всех время нахождения на службе с 8:00 до 20:00. В это время проходили военная и военно-стратегическая подготовка, огневая подготовка в тире и на стрельбище, поддержание оружия в исправном состоянии, военно-политическая подготовка, изучение устава, караульная служба и несение службы дневальными, патрулирование, а также выполнение особых задач, таких, как полицейские рейды. Солдаты и офицеры принимали участие в военных маневрах и спортивных соревнованиях. Офицеры также должны были решать узконаправленные административно-хозяйственные задачи, которые подразумевали постоянный контакт с немецкими учреждениями и обширную внутреннюю отчетность. И, наконец, нужно было обеспечивать снабжение и бухгалтерский учет.

Как и служба на родине, служба на оккупированной территории зависела от местных условий. Конкретные задачи определялись экономическим профилем, структурой производства и занятости населения на подведомственной территории. Также было важно, располагался ли поблизости лагерь для переселенцев или интернированных, транспортный узел, либо бывший немецкий военный объект, т. к. с ними были связаны соответствующие особые задачи. Атмосфера в каждой комендатуре в значительной степени зависела от того, кто ее возглавлял. Свободное время разрешалось проводить вне места службы, но покидать его можно было только по предварительно полученному разрешению. Солдатам запрещалось передвигаться по одному. С 1946 г. посещение пивных и бор-

делей было запрещено, но это мало кого останавливало. «Русских» можно было встретить даже на черном рынке.

Из архивных документов известно, что не избалованные роскошью солдаты и офицеры оценивали благосостояние немцев по-разному. Теперь у большинства военнослужащих денег было больше, чем когда-либо раньше. Высшим офицерам и генералам очень хорошо платили. Денежное довольствие или содержание, большая часть которого выплачивалась в валюте оккупированной территории, то есть в марках, а меньшая – в рублях, значительно повышалось за счет надбавок (за службу на фронте) и премий. Рубли по большей части откладывали или отправляли домой. За хорошую службу солдаты и офицеры регулярно награждались ценными подарками: часами, биноклями, аккордеонами, дорогими наборами письменных принадлежностей. Некоторые материальные блага, такие как радиоприемники, мотоциклы и автомобили, можно было приобрести на трофейных складах по доступным ценам, но, несмотря на это, их также нелегально покупали у немцев или же обменивали на продукты или бензин, которые похищали с советских складов. Дискуссии вокруг немецких воспоминаний раз за разом сводятся к теме бартера и спекуляции. Говорят о тоннах частного имущества, которое генералы вывезли из Германии. Однако, вспоминают и множество солдат, которые возвращались домой с одним деревянным чемоданчиком... На самом деле, кроме новой формы и продуктового пайка, при демобилизации каждый солдат получал подарки. Во время службы у него была возможность отправлять домой посылки. Текстиль, ткани в отрезках, обувь, кожгалантерея, канцтовары, музыкальные инструменты и фарфор пользовались большим спросом. Офицеры и их жены тщательно выбирали то, что, по их мнению, пригодилось бы им дома. Тем не менее, обобщения здесь вряд ли уместны, что и подтверждают некоторые примеры из нашего проекта по устной истории.

Разумеется, как и повсюду, повседневная жизнь семейных военнослужащих отличалась от жизни тех, кто семьи не имел. Жилищные условия у семейных пар были хорошими, а у многих – просто сказочными. Высшие офицеры и генералы заселялись в полностью обустроенные немецкие особняки, реже – в пансионаты и гостиницы. Как только в Германию прибывали родственники, семье полагалась большая жилплощадь. Жены и дети также пользовались военной системой снабжения. Кроме того, жены и сожительницы въезжали в Германию по собственной инициативе. До 1947 г. это было возможно, достаточно было лишь сообщить об этом по месту службы мужа. В конце 1946 г. количество прибывающих в Германию членов семей офицерского состава, а часто и взрослых детей, матерей, сестер, своячениц и др. возросло, и, прежде всего, потому, что материальное обеспечение и снабжение в Германии было лучше. Тем не менее, условия жизни семей советских офицеров и гражданских сотрудни-

ков оккупационной власти были идеальными не везде, так как советские органы не всегда могли наладить материальное обеспечение и снабжение семей в соответствии с действовавшими требованиями. С середины 1947 г. въезд в страну членов семей был прекращен. Теперь в сократившийся аппарат СВАГ брали преимущественно холостых мужчин. С 1948 г. по 1953 г. семьи больше не могли приезжать к служащим в Германии. Предположительно, новая семейная политика основывалась на том, что жены и дети создавали дополнительные проблемы.

Лейтенант Красной Армии В. Гельфанд с русскими девушками (г. Веймар, июнь 1946)
Фотография из личного архива семьи Гельфанд.

Большинство военнослужащих советских оккупационных войск в 1945–1949 гг. не были женаты. По большей части молодые мужчины приобрели первый любовный и сексуальный опыт на войне и сразу после нее. Связи с немецкими женщинами и девушками, как длительные, так и мимолетные, и даже за какую-то плату (сахар, сигареты) были широко распространены. Часто контакты подобного рода были связаны с бартерными отношениями, ведь в повседневной жизни послевоенной Германии все повсюду что-то «доставали». До середины 1946 г. оккупационные власти относились к интимным связям своих

сотрудников с местными женщинами с безразличием. Однако если такая связь обнаруживалась в контексте какого-то другого дисциплинарного проступка, тогда она считалась отягчающим обстоятельством. С 1947 г. партийные и комсомольские организации стали относиться к этому более щепетильно. А с 1948 г. политические аргументы против личных связей с «Западом» приобрели решающее значение.

Лейтенант Красной Армии В. Гельфанд с подругой-немкой (г. Берлин, 1946 г.)
Фотография из личного архива семьи Гельфанд.

Изначально солдатам и офицерам не запрещалось ходить в кафе и рестораны. Однако с конца 1946 г. правила ужесточились. Руководство СВАГ считало, что таким образом сможет уменьшить количество пьяных дебошей в общественных местах. Если с 1945 г. офицеры в приказном порядке были обязаны изучать немецкий язык, то с конца 1947 г. они все чаще привлекались к ответственности, если нанимали частного учителя-немца. Присутствие в доме немецкого учителя музыки так же стало нежелательным.

Немцы, которые размещали в своих квартирах советских граждан (например, на время командировки), не имея на это разрешения, строго преследовались. С другой стороны, советским сотрудникам был разрешен частный наем немецких работников, прежде всего домохозяек, потому что, помимо прочего, советского персонала для «черной» работы в наличии не было. С лета 1947 г., после того, как почти всех сотрудников высшего и среднего звена стали засе-

лять в изолированные жилые городки, контакты с немецким населением, а также личные и любовные связи, заметно сократились. Теперь они имели дисциплинарные последствия. С 1948 г. за неоднократные личные встречи вводились серьезные наказания; крайней мерой в порядке дисциплинарного взыскания был перевод на новое место службы. Тем не менее, полностью прекратить личные и интимные отношения с местными жителями так никогда и не удалось, ведь нужно было, как минимум, поддерживать рабочие контакты.

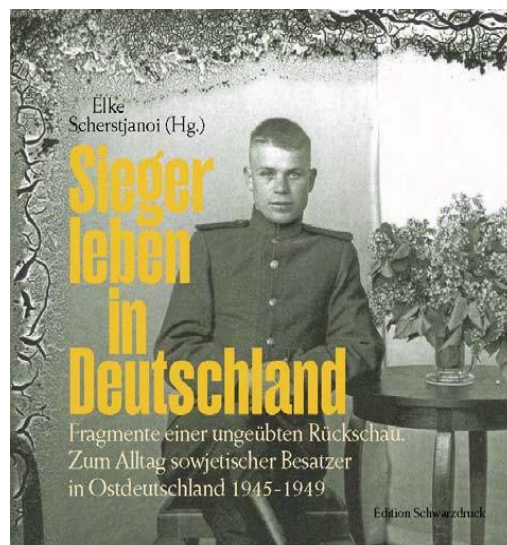
В своих интервью бывшие военнослужащие и гражданские сотрудники оккупационных учреждений и члены их семей, рассказывая о прошлом, положительно отзываются о времени, проведенном в Германии. Многие из представленных в книге выпускников вузов и техникумов, людей, получивших хорошее образование, говорят о годах службы в СВАГ как о самой интересной части своей жизни⁴. Это объясняется не только культурой быта в послевоенной Германии в целом, но и относительно либеральной атмосферой межнационального общения, в которой на оккупированной территории были возможны различные частные и служебные контакты. Советское государство вело такую политику «послабления» до 1948 г.

Нарративы победителей

Центральное место в данной книге занимают личный и индивидуальный опыт и практики повседневной жизни победителей в советской зоне оккупации Германии в 1945–1949 гг. Эти истории были представлены в интервью.

Рассказы представляют собой ретроспективные размышления, в нашем случае – о событиях, после которых прошло очень много времени.

С одной стороны, представленные нарративы – это высказывания, основанные на большом жизненном опыте, а с другой – это обусловленный биографическими фактами самоанализ. В своих воспоминаниях рассказчики говорили о событиях 55–60-летней давности, и к тому же в такой мо-

Обложка книги «Жизнь победителей в Германии. Фрагменты непрacticованной ретроспективы. О повседневной жизни советских оккупантов в Восточной Германии в 1945–1949 гг.»

⁴ Известны многочисленные факты несчастных случаев, смертей и самоубийств среди военнослужащих оккупационных войск, однако здесь они не рассматриваются, так как не коснулись тех, кто попал в рамки нашего проекта. Точные цифры отсутствуют, а мотивы и предпосылки пока еще всесторонне не исследованы.

мент, когда политический мир тогдашних акторов кардинально отличался от существовавшего в 1945–1949 гг. Те ценностные установки и ориентиры, которые рассказчики усвоили в советском обществе еще в молодости и потом привезли с собой на место службы в Германию, в момент проведения интервью уже открыто подвергались сомнению и частично отвергались. Данные тексты возникли на фоне общественной критики существовавших при государственном социализме социальных отношений (что не было отдельным объектом проблематизации в интервью), при этом оккупационная политика СССР в Германии относилась к темам, к которым в постсоветских дискуссиях о прошлом обращались не так часто.

В книге представлены **12 мемуарных текстов**. Они стали результатом встреч рассказчиков с автором этих строк – историком, редактором и составителем книги – в период с 2000 г. по 2009 г. Записи бесед являлись основной частью обширной работы с русскоязычными очевидцами военных и послевоенных лет.

Все 12 респондентов отличались друг от друга образованием, социальным происхождением и готовностью к службе в органах оккупационной власти; личный опыт в послевоенной Германии у каждого был своим. Из-за разного уровня коммуникативных навыков, сформировавшихся в последующей жизни, они в разной степени были готовы к своего рода публичной ретроспективе. Но для каждого из них заданные вопросы оказались новы. Все они прямо признавали это. Публично никто еще не интересовался их личными впечатлениями о повседневной жизни в послевоенной Германии. Теперь же им задавали вопросы не о героизме на войне, а о частных событиях повседневности во время необычного периода их жизни – жизни в чужой стране. Десять из представленных в книге респондентов находились в советской оккупационной зоне, будучи уже взрослыми советскими гражданами и выполняя служебные поручения своего правительства, в одном из случаев – даже после 1949 г. Почти все они были фронтовиками. Не имели военного опыта только инженер, который по брони незаменимого работника до конца войны трудился на экономику своей страны в Советском Союзе, и относительно молодая на тот момент выпускница вуза. Двое респондентов поделились воспоминаниями детства: их родители находились в Германии по долгу службы. Рассказы отличались друг от друга длиной, степенью конкретности и образности; в разном объеме содержали критику и саморефлексию. Тот факт, что в число респондентов, которые участвовали в войне в низших званиях, попали только молодые в то время люди, объясняется биологическими факторами. Но, с другой стороны, можно было проводить отбор по социальным критериям. Тут наибольший интерес представляет опыт людей, которые занимали в органах оккупационной власти должности низшего или среднего звена. Благодаря профессиональному росту после пребывания в

Германии трое респондентов достигли значительных высот: военный Полторак, прокурор Шафир и историк Галкин. Разумеется, это не отражает реальных данных в историческом масштабе и объясняется тем, что отыскать очевидцев тех событий было в принципе очень нелегко.

С 2000 г. составительница данной книги вела семинары в российских университетах, принимала участие в конференциях по устной истории и исторической памяти и параллельно проводила интервью на разные темы. Полученный при этом опыт говорит о том, что замкнутость респондентов по отношению к интервьюеру из Германии не выходила за рамки обычных показателей. Откровенность «живого источника» в большей степени зависела от общей атмосферы диалога. Так было и во время интервью о повседневной жизни в советской оккупационной зоне. Свободные повествовательные интервью больше походили на непринужденную беседу. Несколько встреч организовали русские знакомые, а трое респондентов на момент интервью уже проживали в Германии. Во всех случаях при проведении интервью атмосфера отличалась искренностью.

Респондентам предлагалось рассказать о времени, проведенном в послевоенной Германии, начиная с того момента, когда они там оказались. Для автора проекта относиться к респонденту серьезно означало дать ему возможность свободно высказаться, в том числе и о предыстории пережитого в Германии, и о том, что было потом. Опыт войны, обобщенный опыт всей жизни, житейская мудрость приветствовались так же, как и выражение собственного мнения в современной открытой дискуссии. Опросные листы не использовались. Интервью проводила немка, впоследствии составитель этой книги, представительница второго послевоенного поколения, владеющая русским языком⁵. В нескольких случаях поначалу чувствовалась определенная застенчивость, но она вряд ли отличалась от той, что бывает во время интервью в собственной культурной среде, когда просят рассказать о частной жизни. Интервью были нацелены на то, чтобы респонденты в свободной форме рассказали о своих впечатлениях, связанных с повседневностью, и, как и следовало ожидать, вопросы о личном вызвали некоторое недоумение.

Тех респондентов, кто имел определенный опыт коммуникации такого рода, разбирался в тонкостях публичного представления истории и формирования традиций, напрямую подвести к этой почти лишенной идеологии теме было не просто. С другой стороны, «простые», ничем не выдающиеся респонденты, не дававшие ранее интервью, охотнее пускались в воспоминания, которые не так сильно опирались на общепринятые шаблоны, а скорее напоминали добрососедскую беседу. В зависимости от потребности выговориться и мастерства рассказчика длина пассажей о войне оказалась разной. За исключением господина

⁵ Интервью с Александром Галкиным провела Наталья Тимофеева, российский историк. Автор выражает ей благодарность за помощь и инициативу.

Шафира, который, как военный прокурор, больше предлагал в интервью профессиональных сведений, все остальные респонденты рассказывали о своем личном опыте жизни в Германии.

О самых элементарных вещах никто не заговаривал по собственной инициативе. Очевидно, рассказы о еде, жилье, одежде, проведении досуга и тоске по дому считались банальными. Не один раз можно было услышать: «Неужели и вправду важно, что я здесь рассказываю?» Неуверенность была следствием личных ожиданий в диалоге и публичных нарративных традиций. Только социолог госпожа Богомолова сразу же полностью уловила и приняла суть интервью. Так как ключевыми для интервью были повседневная жизнь и личный опыт, можно было обойтись без политических заявлений. Возможно, если бы у респондентов возникло ощущение, что они непременно должны высказать свои политические взгляды, многие не рассказали бы столько личного.

Что можно почерпнуть из этих рассказов и чего в них не хватает?

Индивидуальные нарративы иностранцев о нас, немцах, и о встречах с нами – это важные и нужные коррективы для нашего самовосприятия. Они влияют на формирование нашей самоидентичности. Даже те фрагменты, в которых контакты не выходят на передний план, например, описания иностранцами наших жилищ и форм общения, расширяют наше самопознание. И потому мультиперспективность по праву относится к нашему историческому дискурсу. Это в полной мере касается и осмысления военных и послевоенных событий. Мы должны постичь представленный в книге опыт советских людей, представителей державы-победительницы, который сформировался на фоне завершившейся победой жестокой, унесшей множество жизней борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Эти рассказы открывают нам много неизвестного. Так как изучение повседневной жизни в оккупационных учреждениях только начинается, многие из представленных в книге фактов и взаимосвязей имеют значение: данные о расквартировании оккупационных войск, регламент продовольственного снабжения и оплаты труда, порядок подчиненности, взаимодействие инстанций, проблемы дисциплины. Мы получаем сведения о трудоустройстве немецких работников, о сосуществовании с квартирными хозяевами, о встречах с представителями западных союзников, о проведении досуга, о семейной жизни офицеров, а также о личных отношениях с немцами и т. п. Разумеется, эти субъективные высказывания не являются доказательствами, но продолжают оставаться свидетельствами. Наряду с другими источниками, касающимися личного опыта жизни в советской оккупационной зоне, они указывают на некоторые установки и практики, которые можно считать широко распространенными.

При этом в воспоминаниях обращает на себя внимание то, что в немецкой рефлексии практически отсутствует, а если и появляется, то, скорее, считается продуктом советской пропаганды. Это определенная терпимость победителей к характерным особенностям побежденных. Мы находим в высказываниях тогдашних акторов-победителей неожиданный интерес, сочувствие и даже сострадание к ситуации, в которой оказались побежденные. Желание отомстить, даже скрытое, никак не проявляется, и это несмотря на тяжелый, в том числе и личный, опыт войны, которым можно было бы такое желание оправдать. Разумеется, возникает вопрос: было ли подобное отношение действительно широко распространенным уже тогда или подается таковым в наше время?

Далее, во многих автобиографических текстах бросается в глаза тот факт, что память победителей практически не описывает крайних проявлений насилия над немцами, не ставит вопросов о них, хотя их было немало, особенно в 1945 г.⁶ Аутентичные эго-источники обнаруживаются редко, и отчасти их появление обусловлено научным интересом и усилиями немецких исследователей⁷. В этом плане представленные в книге воспоминания, к сожалению, дают немного. В первую очередь, они предлагают нам совсем другую картину: рассказы о беззаботных частных поездках по Германии, о приобретенном культурном опыте, эпизоды с немецкими нянями и домработницами, признания в любовных связях или в спекуляции, – во всем этом очень мало мыслей о мести и о превосходстве победителей. Это можно объяснить тем, что, возможно, советские победители не были настолько переполнены жаждой мести и желанием карать побежденных, как нас заставляет думать часть немецкой мемуарной литературы о событиях 1945 г. Согласно архивным источникам, после мая 1945 г. практически не совершались преступления из-за стремления обесчестить или унижить поверженного врага. Исследования в этом направлении будут продолжены, мотивы подобного поведения необходимо установить. Лишь немногие из наших респондентов говорили об актах насилия, совершенных красноармейцами, или о современных дискуссиях на эту тему. С проявлениями очень распространенных в Германии элементов образа оккупанта – пьянство, дебоши и воровство, которые в немецком дискурсе считаются неподобающими, но весьма часто употребляются для характеристики «русских» как таковых, – наши респонденты не сталкивались или умалчивали о них.

⁶ Достоверное свидетельство приводится в книге Льва Копелева «Хранить вечно!» (*Kopelow L. Aufbewahren für alle Zeit!* – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1976).

⁷ Например, «Голос из 1945 года. Дневник танкиста Ивана Панарина» (*Eine Stimme aus dem Jahr 1945: das Tagebuch des Panzersoldaten Iwan Panarin* / Hrsg. Hansestadt Rostock, Kulturhistorisches Museum Rostock, Steffen Stuth. – Rostock: Verlag der Hansestadt Rostock Kulturhistorisches Museum, 2015).

Определяющую для немецкого дискурса тему отношений служащих оккупационных войск и органов власти с немецкими женщинами наши респонденты затронули лишь вскользь. В Германии мы далеки от того, чтобы говорить об этом, не прибегая к клише, одно из которых – непрестанно повторять, что в конце войны изнасилование было основной формой контакта немцев и «русских». В Германии публичный дискурс на эту тему, в котором задают тон средства массовой информации, мешает провести конструктивную ретроспективу. В России, как и прежде, это сложная и взрывоопасная тема. То, что говорили на эту тему цитируемые в книге респонденты, не подходит ни для иллюстрации конкретных событий, ни для измерения объективного потенциала тогдашнего насилия. Только одна из трех женщин говорила об изнасилованиях как о массовом явлении и поддержала дискуссию о его причинах. Другая респондентка лишь намекнула на некоторые причины. Мужчины из числа наших респондентов практически не говорили о насилии над женщинами и утверждали, что сами ничего подобного не замечали. Сдержанность респондентов в этом вопросе является результатом дискуссии, которая считается в России очень сомнительной и затрагивает национальную честь. Любовные же связи с немецкими женщинами и девушками, напротив, случались совсем не редко. В дружеском ключе некоторые мужчины не без самодовольства признавались в своих любовных связях. В целом складывается впечатление, что в России, как в частных, так и в публичных ретроспективах, случаи насилия, совершенные военными и гражданскими служащими оккупационной власти преуменьшают, а в немецком дискурсе, напротив, по-прежнему преувеличивают, ставя их во главу угла.

Примечателен также тот факт, что в повседневном сосуществовании с немцами русские практически никогда не спрашивали собеседника-немца о его причастности к нацизму. В фильме «Мне было девятнадцать» (1969) режиссер Конрад Вольф⁸ подает сцену встречи интеллектуала из рядов Красной Армии и немецкого ученого-гуманитария как кульминацию в поиске первопричин: немец излагает при этом свои политические взгляды. Однако, очевидно, что подобные сцены во время гражданских контактов были абсолютной редкостью. Победители общались с теми, кого встречали, очень прагматично: целенаправленно и не претендуя на роль воспитателей. Также удивительно, насколько широко среди работников оккупационных учреждений было распространено убеждение, что настоящие фашисты в большинстве успели своевременно сбежать на Запад. Уже в ранних нарративах победителей можно было прочесть, что они

⁸ Конрад Вольф – немецкий кинорежиссёр, президент Академии искусств ГДР. Родился в 1925 г. в семье врача и писателя Фридриха Вольфа. В 1933 г. семья эмигрировала во Францию, а в 1934 г. – в Советский Союз. В 1936 г. Вольф получил советское гражданство, в 1942 г. был призван в армию. Служил переводчиком в аппарате седьмого управления 47-й армии.

считали свою оккупационную зону территорией, освобожденной от фашистской угрозы.

Мы уже знаем, что сдержанность и повиновение побежденных немцев удивляли победителей. На основании традиционных источников установлено, что после мая 1945 г. не наблюдалось никакого серьезного сопротивления⁹, массовых проявлений ненависти и протестов. Скорее это были отдельные эпизоды проявления неприязни. Одни красноармейцы объясняли покорность немцев их стремлением к порядку и дисциплине, другие – усталостью от войны. В наших интервью ни один из респондентов не пускался в рассуждения о не прекращавшемся в Германии антисоветизме и антикоммунизме. Даже красноармейцы-евреи тогда, как и теперь, не придавали никакого значения обсуждению того, на протяжении какого времени на территории капитулировавшей Германии продолжала сохраняться идеология расизма. Более того, часто немцы казались «русским» более дружелюбными, чем были на самом деле. Все это говорит в пользу победителей. С другой стороны, этим наблюдениям можно противопоставить многочисленные примеры сурового наказания и жестокого преследования за относительно безобидные проявления неповиновения, такие как, например, утаивание запасов зерна.

* * *

Предлагаемая книга – это книга для чтения с иллюстрациями. Рассказы и фотографии не связаны между собой напрямую. Они дополняют друг друга и открывают перед нами жизнь представителей советской оккупационной власти в Германии с 1945 г. по 1949 г. в личном измерении, которому ранее внимания не уделялось. Разумеется, ни рассказы, ни иллюстрации, ни те и другие вместе не охватывают весь спектр реальных переживаний и реального опыта. Описанные в книге события и высказанные точки зрения не могут служить обоснованной выборкой для социологического или культурологического анализа. Мы знаем, что в послевоенное время в Германии действовали и другие акторы, происходили и другие события. Множество печальных эпизодов, трагических

⁹ В конце войны нацистское государство и СС планировали развернуть на занятой их противниками немецкой территории тайную организацию сопротивления под названием «Вервольф» (в германской мифологии – волк-оборотень). Весной 1945 г. совершались поджоги, убийства и другие диверсионные акты. Но ввиду решительных контрмер со стороны Союзников немецкое население не проявляло массовой активности. Разобщенное локальное сопротивление, раскрытое советскими спецслужбами в советской оккупационной зоне после мая 1945 г., часто ошибочно считалось широко организованным явлением и не имело отношения к «Вервольфу».

судеб, суровых испытаний выпали и немцам, и «русским», и на моменты их контактов.

Подтверждает ли книга тезис о культурном шоке, о том, что цивилизационное превосходство Запада произвело настолько сильное впечатление на восточных завоевателей и освободителей 1945 года, что им хотелось там остаться? Нет. Количество случаев дезертирства документально не подтверждено. Из приблизительно пяти миллионов освобожденных в Германии военнопленных и «остарбайтеров» в СССР не вернулся каждый двенадцатый, в первую очередь те, кто был родом из Прибалтики или Западной Украины. И культурный уровень не был тому причиной. Однако наши респонденты не входили в эту группу, они были более-менее «интегрированы в систему», или же просто не имели тяги к перемене мест и по окончании срока службы с радостью вернулись домой. Потому тексты и фотографии не могут быть репрезентативными по отношению ко всем «русским» в Германии в 1945–1949 гг. Но, даже не имея обобщающего характера, они подходят для того, чтобы привнести в немецкую дискуссию интересный опыт, поданный под «не немецким» углом зрения.

Спустя 75 лет после окончания Второй мировой войны такая смена ракурса в Германии будет очень полезной. 15 лет назад письма красноармейцев открыли нам доступ к их индивидуальному восприятию Германии и немцев в конце войны¹⁰. И вот следует продолжение – примеры из личных нарративов победителей, служивших в советской оккупационной зоне в послевоенной Германии.

¹⁰ Rotarmisten schreiben aus Deutschland. Briefe von der Front (1945) und historische Analysen / Hrsg. Elke Scherstjanoi. – München: De Gruyter Saur, 2004.

Bodies of Occupation Authority

At the end of the Second World War, after the capitulation of the Wehrmacht on May 8, 1945 and the cessation of hostilities, a huge number of soldiers and officers of the Red Army found themselves on German soil. The major part of the Soviet war machine was concentrated west of the Neisse and the Oder. Beginning with mid-April 1945, a total of 28 armies, including two Polish armies with a total of 2.5 million soldiers were involved in the Berlin operation. Around 350,000 Soviet and 9,000 Polish soldiers were killed in the battles during the last three weeks of the war.

On 8 and 9 May, the forces of the Red Army celebrated Victory over Germany in its territory together with the troops of the allied US Army and the Royal British Army. Millions more of Soviet soldiers celebrated all over Europe. In compliance with the earlier agreements of the Allies, in July of 1945 the eastern victorious power took over some territories in Thuringia, Anhalt and Mecklenburg from the allied American and British troops. The Soviet Occupation Zone was formed in the part of the country which was called Central Germany at the time. Germany's future borders were to be established by a peace treaty. The victors divided the German capital Berlin into four sectors: the American, the British, the French and the Soviet sectors, and deployed troops and organs of occupation authorities accordingly.

Photo of an unidentified soldier (Freiberg, Saxony, 1945)
From the personal archive of the Beishovets family

By the end of 1945, 500,000 Red Army soldiers had been withdrawn from Germany. However, a large number of the Red Army servicemen remained stationed in the occupied German territory. Demobilization continued until 1946. In the summer of 1945, the major part of the soldiers were engaged in the import of grain, dismantling teams disassembled and loaded industrial equipment, Wehrmacht warehouses were sorted through, cattle and horses were driven to the east.

The Soviet Occupation Zone became the main location of the Group of Soviet Occupation Forces in Germany, which was called so until 1954. In the following years of occupation, stationing and quartering changed. The formations were reorganized and their numerical strength and equipment were optimized. The research premises that the estimated numerical strength of the occupation troops in mid-1945 was 1.5 million; in 1947 there must have been about 0.3 million, and in 1949, about 0.6 million persons.¹ The majority of ordinary soldiers was to obey strict military discipline and could come into personal contact with the German population only by way of exception and only in the presence of an officer. But for the officers things were different. Being bound by no explicit prohibition of befriending the German population, the officers came into contact with Germans in various ways not only by service exigency but also in their leisure time.

Personnel of a kommandatura (Neugersdorf, Saxony, 1945)
Photo from the personal archive of the historian K. Herman

¹ Other data can be found in Russian literature, for example, about 2.9 million persons in the Group of Soviet Occupation Forces in Germany in 1949.

In addition to the occupation forces, in June 1945 the USSR started to establish organs of occupation authority with kommandaturas in all districts, major cities, capitals of states of Germany, and industrial metropolises. In the summer of 1945, a Soviet kommandatura, typically with 10 to more than 200 personnel and guard troops, was established in each settlement or community with more than 5000 residents. The kommandaturas were to set up guards and to patrol the territory. They guarded important facilities, such as the buildings of the kommandaturas themselves, warehouses, gas stations, telegraph offices, railway stations, as well as the borders of the Occupation Zone and of the states of Germany. The occupation authorities authorized and supervised the newly appointed mayors, police officers and head officials. In relation to law enforcement and criminal police, they were a supreme executive authority. Initially, they were mostly self-sufficient due to small agricultural and food businesses of their own.

The occupation authorities consisted of state and provincial military administrations, of which the administration in Saxony was the largest and the administration in Thuringia was the smallest in terms of personnel. Coordination and control were the responsibilities of an umbrella institution in the Zone, the Soviet Military Administration in Germany (SMAD) based in Karlshorst, Berlin. At the end of 1945, the network of kommandaturas included about 650 of them. It was gradually reduced. In the middle of 1946 there were only around 300 kommandaturas, and in 1948, only 178, mostly at the district level and in large cities. When the GDR was founded in the territory of the Soviet Occupation Zone on October 7, 1949, nearly all local kommandaturas had already been disbanded.

The servicemen of the occupation forces entered German everyday life as the representatives of political power, law enforcement and contracting authority, as censors or partners of German bodies of authority. However, they also pursued their own private purposes connected with life necessities in the first place: they were tenants, employers or simply passers-by in the street; they visited public sports facilities, cinemas, restaurants or beaches; they used traffic and traffic routes; they were participants in various interventions in the man-made and natural environment. They had unrestricted access to German offices and company management. Their presence was based on international law.

In 1946, around 60,000 people worked in the SMAD structures, including the kommandaturas. They supervised the disarmament, denazification, and political reorganization of East Germany, and also secured reparations. Like the western Allies, the eastern victorious power continuously optimized its apparat in the Occupation Zone. Specialists were brought in from the Soviet Union. In 1947, approximately every fifth of the occupation personnel was a civilian. The Soviet occupation organs operated a large number of smaller, partly mobile stations which served internal purposes. They included radio communication stations, railway and

port checkpoints, motor pools, repair workshops. At the disposal of the personnel of the occupation organs were their own post offices and bank branches, ticket offices, shops, warehouses, hospitals, convalescent homes, hairdressers, hotels, workshops and other consumer service facilities, and later on even a registry office appeared. Dismantling and trophy teams operated. For repatriation of Soviet citizens and citizens of other states, there were gathering and filtration camps. Moscow ministries and agencies responsible for different branches of the USSR national economy sent their own expert teams to the occupied areas in order to supervise dismantling operations, current contract production and scientific and technological reparations or to manage Soviet joint stock companies (enterprises which passed into the ownership of the USSR and were run by the SMAD in order to fulfill the USSR's reparation claims). The inter-allied institutions in Berlin should not be forgotten either. Moreover, there were special Soviet persecution organs such as special camps (internment camps), military tribunals and security services with their own departments. It is not possible to determine the exact number of employees of the security agencies including supervising personnel in internment camps and prisons.

All those facilities were operated by the people who were present in East German everyday life as servicemen of the occupation forces and employees of occupation administration. Germans were often unable to associate them with a particular office or agency since the latter were close to each other spatially and seemed to Germans all alike.

The officers and higher-ranking employees were allowed to bring their family members to the place of their service and most of the higher-ranking officers and generals had families, so a total of about 25,000 wives and children of the SMAD personnel and servicemen of the occupation forces had arrived in East Germany by 1948. Schools for their children were opened. It can be assumed that in addition to the servicemen of the occupation forces and their family members, about 100,000 more Soviet citizens were directly involved in the post-war development of East Germany until 1949. According to the official data, more than 8 million Soviet citizens had visited the territory of the GDR in line of duty before the withdrawal of the Russian troops from Germany in 1994.

Personal details of this huge number of military men, consultants and allies have hardly been researched so far. There is even less information about men and women who worked in the occupation organs from 1945 to 1949. By nationality, they were mainly Russians and Ukrainians, Belarusians and Kazakhs. The Germans, however, called them all Russians.²

² The shortened word *Sowjets* [Soviet people, Soviet authorities] was also used by Germans as well as by Englishmen and Americans even in the 1930s. The term was quite commonly used. This word may seem to be neutral, but in fact it implies disapproval, inter alia, in scholarly contexts.

German Memory

Russians were conspicuous in 1945–49 East German everyday life. Not only did they instruct German authorities and officials, politicians and directors of the enterprises, but also controlled them, persecuted some Germans and patronized others. They *lived* among the Germans. Through political measures, regulations of everyday life or in episodes of chance encounters, they were tangent to a countless number of German destinies.

The Germans know next to nothing about the everyday life of Russian occupiers. In a certain way, it is the result of the fact that the published reminiscences, which were in small demand and underwent political censoring in the homeland of the victors themselves, returned to Germany as memoir literature in a very small amount. However, the crucial factor was probably that the curiosity of the defeated about foreign culture was extremely low. While unexpected direct contacts were often frightening, rejection and prejudice were dominating in the distanced perception of the foreign way of life. Traditional conceit and hatred gradually receded in subsequent years but did not disappear completely. And that was despite the fact that at that time quite a few Germans visited the increasingly isolated Soviet enclaves regularly and voluntarily, with a pass if necessary, and could see Soviet kommandaturas, residential towns, houses of culture, and editorial offices of the Soviet media in the Occupation Zone from the inside. Quite a few Germans went through Soviet prisons and camps.

There are different, more or less concrete images and stories about ‘the Russians’ circulating today. But the gap in knowledge is the greatest among the West Germans and the younger generation in general. Back then, they did not encounter the Russians face to face, they did not meet them at the barriers, in guard rooms, during raids and railway checks, at loading works, in Russian shops or at official celebrations and rallies. They did not see them at the wheel of a car or in the bed of a LKW truck. Today they wouldn’t even notice a white circle on the rear of a dark green military vehicle in the photos. (In order to identify military vehicles, all trucks and motor cars of the Soviet troops in Germany had a white circle about 25 cm in diameter on the rear part while the vehicles of the GDR National Army were marked with two white triangles.) They know nothing about relief operations conducted by the Russians, for instance, during the flood of the Oder River at the beginning of 1947 and know nothing about their assistance in harvesting. They did not see the Russians patrolling or parading and did not hear them singing foreign songs marching in step in front of the barracks. They did not clean, cook or tailor for the Russians, not did they nurse their children. And even if they had experienced all that, they would not have had a comprehensive idea of private life, goals, values, everyday worries and everyday pleasures of the occupiers. It would have been so because the contacts could go deep into private space only in exceptional cases.

Today one can learn something about the structure of the troops from the German-language media and find their locations on the maps. Structural subtleties of the occupation organs are known. Professional literature focuses on internment camps and military courts, and the NKVD/MWD senior staff is known by name. One can visit the memorial KGB cellar and the ruins of the garrison buildings. They are part of a victim-focused memorial culture in united Germany. German memoir literature about the Russians regularly quotes thoughts, which are of little value in terms of gaining knowledge, about ‘rape of German women’ and ‘Russian children’ (*Russenkinder*, the children of German women and Soviet soldiers); today they are not likely to change the existing ethnocentric image. Some elderly Germans can still tell us about their experience of the GDR years. Depending on their mood and attitude, they would talk about drunken officers in village pubs and about mysterious scenes of capturing deserters; about foreign women dressed in a foreign way and wearing striking make-up and girls with wide ribbons knotted in bows in the hair; about ‘friendly meetings’ of Soviet soldiers with the soldiers of the GDR army. In some German families memories of forced evictions from their apartments and houses in 1945–46 are still alive. Some of them can tell us about genuine friendship, and few can also tell us about affection and love. As a rule, these are brief episodes, overshadowed by the experience of subsequent years.

On the other hand, the years when everyday interaction between the victors and the defeated was most active before the GDR was founded have left very little imprint in the present-day German collective memory. Probably, German memories of the occupiers as human beings, which have been so poorly communicated for decades, will never be able to form a correspondingly complex multifaceted layer of cultural memory. That is why historians have to make great efforts in order to reconstruct the facets of the interaction between the victors and the defeated in post-war years and each such attempt is immediately confronted with current political debates on the German-Russian relations.

Everyday life of military personnel in the Soviet Occupation Zone

We, Germans, do not know what constituted the everyday life of the occupiers after May 1945, what drove them as individuals, whether they liked or disliked their service in Germany, how it was paid and rewarded, how they maintained contact with their homeland. Profound research in how soldiers and officers of the victorious army perceived the Germans has not been conducted either. Obviously, their stay in Germany left traces in their lives as well.

A number of historical sources provide information on some aspects of the life of military personnel in the Soviet Occupation Zone.³ This information can hardly suffice to reconstruct the generalized image of a typical Russian, but the archive files reveal a lot of facts. For example, the servicemen were predominantly young males, and among lower ranks there were those who were very young. If we look at the year 1948, there were 38 generals and 8200 officers among the approximately 25,500 military personnel of the local occupation organs; half of them were born between 1911 and 1921 and were 27 to 37 years of age, and a quarter of them were older. The ranks were mostly men born between 1925 and 1927, so they were 21 to 23 years old. Among the generals and officers, only one in 25 was not a member of or a candidate to the Communist Party or a Komsomol member. Among the ranks, the proportion of communists was also quite high. It was about 40 percent, which was mainly due to the large share of those who fought in the war. More than 80 percent of the generals and officers in the kommandaturas had already become military professionals before the outbreak of war, the majority of them had served 5 to 10 years, and over 80 percent had immediate battle experience. In total, 60 percent of all military personnel had fought at the front.

The educational level was comparatively low. Sixty five percent of the privates in the kommandaturas finished only the compulsory 4-year primary school. This might also be the case with the troops. On the other hand, 40 percent of the officers and generals graduated from a university, a further 37 percent had a higher education entrance qualification. Economic departments of the SMAD, larger dismantling teams, and Soviet joint stock companies were headed by the graduates of universities and technical schools who could partly rely on managerial and administrative experience which they had gained in their homeland.

In 1948 there were hardly any female soldiers among the personnel of the Soviet occupation organs. Most of the girls and women were demobilized in 1945. Very few, mostly single women continued to work as translators and secretaries. After 1945, women still worked at military stations and kommandaturas, in healthcare and in service sector. Some of them were former *Ostarbeiter*.

Of particular interest are the statistics on the nationality of the kommandaturas' personnel. A list dated mid-1948 shows that 80 percent of all servicemen were Russians, Ukrainians and Belarusians. There were hardly any Lithuanians, Latvians and Estonians among them: in the combat units they were a minority, and repatriates from the Baltics were deported home especially quickly and consistently. Contrary to some hasty generalizations, the proportion of Jews among the officers of the

³ The data quoted below were taken from various records in the SMAD files at the State Archive of the Russian Federation (GARF), which the author has been studying for several years, planning to prepare a monograph.

occupation forces was also not high. In the kommandaturas they amounted to 6 percent.

The archive materials show that formally everyday life in the kommandaturas was the same everywhere: the same service regulations, subordination and daily routine, the same military training, drills and political events, the same opportunities to spend leisure time and the same formation of traditions. In 1945 the Soviet forces observed Moscow time. The service began for everyone at 7:30 with morning sports (which the officers did individually on their own; the privates, in group in their unit) and ended with a late dinner at 23:00. With the transition to Central European time in April 1946, a unified duration of service hours was introduced, from 8:00 till 20:00. It included military and strategic training, firearms training at indoor or outdoor shooting ranges, maintenance of weapons, political education, study of the service regulations, sentry and orderly duties, patrolling, and special tasks, such as police raids. Soldiers and officers participated in maneuvers and sports competitions. In addition, officers were to accomplish specialized administrative and managerial tasks which implied constant contact with German officials and extensive internal reporting. Finally, it was necessary to provide logistics and accounting.

In the same way as in the homeland, service in the occupied territory naturally depended on local conditions. The concrete tasks corresponded to the economic profile and the structure of production and employment in the area of responsibility. The proximity to a resettlement or internment camp, to a transport hub or to a former German military facility was also of importance because in each particular case special tasks were involved. The atmosphere in a kommandatura was greatly influenced by the personalities of those who headed it. It was allowed to spend free time outside the place of service, but in order to leave it, it was necessary to get an official permission in advance. Soldiers were forbidden to move around alone. In 1946 visits to pubs and brothels were forbidden, but that could hardly stop anyone. The Russians could be seen even in the black markets.

It is known from the archival files that the soldiers and officers, who were not spoiled with luxury, treated the welfare of the Germans very differently. Now most of them had more money than ever before. High-ranking officers and generals were very well paid. The pay or salary, the greater part of which was paid in the currency of the Occupation Zone, i.e. in marks, and the smaller, in roubles, was greatly increase due to additional payments (for the previous service at the front) and bonuses. Rubles were mostly saved or sent home. For good service, soldiers and officers were regularly given valuable presents: watches, binoculars, accordions, expensive sets of writing implements. Some goods, such as radios, motorcycles and cars could be purchased from the trophy warehouses at a reasonable price, but despite that they were also bought from Germans illegally or exchanged for food and gasoline which were often stolen from the Soviet warehouses. The discussions about German

memories return to the topic of barter and speculation again and again. There are stories about tons of private property which the generals took home from Germany. However, there is a well-remembered image of the great numbers of ordinary soldiers traveling home with one small wooden suitcase... In fact, in addition to a new uniform and a food parcel, every soldier received some presents on demobilization. During his service, a soldier had an opportunity to send parcels home. Textiles, lengths of fabrics, footwear, leather goods and stationery, musical instruments and porcelain were in great demand. Officers and their wives carefully selected what they thought would be useful at home. Nevertheless, any generalizations are hardly possible here, which some examples from our oral history project can prove.

It is quite natural that in the same way as everywhere else, everyday life of Soviet families in the Occupation Zone was different from that of single persons. Living conditions of married couples were good, even fabulous for many of them. High-ranking commanders and generals moved in German detached houses with fully equipped households or, sometimes, in boarding houses and hotels. As soon as family members arrived in Germany, the family was entitled to larger accommodation. Wives and children were provided for by the military supply system. Wives and partners could also arrive in Germany on their own initiative. Until 1947, it was possible and a simple notification to the duty station of the husband was enough for that. At the end of 1946, the number of family members, often including adult children, mothers, sisters and in-laws arriving in Germany, increased primarily due to better mass catering and supply situation in Germany. Nevertheless, living conditions of the families of Soviet officers and civilian personnel of the occupation authorities were not ideal everywhere because the Soviet organs were not always able to provide the required level of family welfare. In the middle of 1947, family reunions were terminated. From then on, mostly single men were taken into service in the reduced SMAD organs. From 1948 to 1953, families were not allowed to come to Germany to stay with the men who worked or served there. Presumably, the new family policy was based on the fact that wives and children caused additional problems.

Lieutenant of the Red Army V. Gelfand with Russian girls (Weimar, June 1946)
Photo from the personal archive of the Gelfand family

Between 1945 and 1949, the majority of servicemen of the Soviet occupation forces were single. Young men gained their first love and sexual experience mostly in the war and afterwards. Both long-term and one-time, even paid for (by sugar or cigarettes), relationships with German girls and women were widespread. Often, such contacts were based on barter exchange relations as in the German post-war everyday life everyone tried 'to get things' everywhere. Until mid-1946, the occupation authorities treated intimate contacts between their personnel and local women with indifference. However, if such a connection came to light in the context of some other disciplinary offence, it was considered an aggravating circumstance. From 1947 on, the party and Komsomol started to look at that matter more closely. And from 1948 on, political arguments against personal contacts with the West became crucial.

Lieutenant of the Red Army V. Gelfand with a German girlfriend (Berlin, 1946)
Photo from the personal archive of the Gelfand family

Initially, soldiers and officers were not forbidden to visit cafés and restaurants. But at the end of 1946, the rules became stricter. The leadership of the SMAD believed that by doing that they would be able to reduce the number of drunken brawls in public places. In 1945 the officers were obliged to take German courses, but from the end of 1947 they were often prosecuted if they hired a private German teacher. And soon the presence of a German music teacher also became undesirable.

Germans who accommodated Soviet citizens (for example, for the time of a business assignment) without a corresponding permission were subject to prosecution. On the other hand, Soviet personnel were allowed to privately employ German workers, housewives in the first place, because among other things, hardly any Soviet personnel were available for menial jobs. Only when residential integration of almost all middle- and high-ranking personnel into cordoned off residential towns began in the summer of 1947, contacts with the German population as well as personal relationships and love affairs noticeably reduced. Now they had disciplinary consequences. In 1948, penalties for repeated private contacts were introduced; the extreme measure disciplinary penalty was transfer to another place of duty. Nevertheless, it was impossible to terminate private and intimate relationships with the locals because at least work-related contacts had to be maintained.

In the contemporary witness interviews, while talking about the past, the former servicemen of the occupation forces, civilian employees of the occupation establishments and their family members share mostly positive memories of the time they spent in Germany. Many of the specialists and university graduates, well-educated people, from among the interviewees refer to the years of their service in the SMAD as the most interesting part of their lives.⁴ It can be explained not only by the level of everyday life culture in post-war Germany in general but also by a comparatively liberal atmosphere of international communication, which enabled a variety of private and official contacts in the occupied territory. The Soviet state pursued this policy of relaxing the rules until 1948.

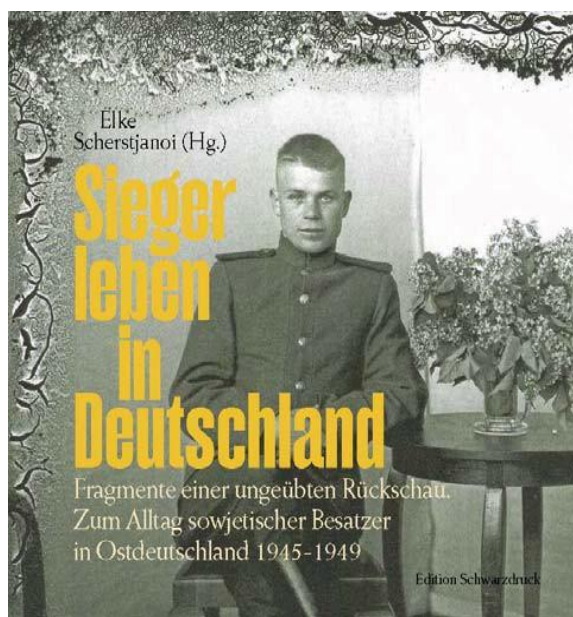
Narratives of the Victors

This book focuses on personal experience and individual everyday practices of victors in the Soviet Occupation Zone in Germany in 1945–49. The stories were presented in interviews.

The narratives are subsequent reflections, much later reflections in our case.

On the one hand, the narratives presented in the book are an expression of long life experience, and on the other hand, they are biographically conditioned introspection. In their reminiscences, the interviewees talked about the events which had happened 55–60 years earlier and, what is more, at the moment when the political world of the actors of that time was completely different from that of 1945–49.

The system of values which the narrators had assimilated from the Soviet society in their young years and then brought to their place of duty in Germany were publicly questioned and partly rejected at the moment when the interviews were conducted. The texts appeared against the background of open criticism of social relations that existed under state socialism (which was not

Cover of the book *Sieger leben in Deutschland. Fragmente einer ungeübten Rückschau. Zum Alltag sowjetischer Besatzer in Ostdeutschland 1945–1949*.

⁴ It is known that there were numerous accidents, deaths and suicides among the military personnel of the occupation forces, but they are not discussed here since they did not concern the contemporary witnesses within the scope of our project. The exact numbers are not available and the motives and causes have not been comprehensively studied so far.

specifically problematized in the interviews), the occupation policy of the USSR in Germany being one of the moderately criticized topics in the post-Soviet debate about the past.

The book presents **12 memoir texts**. They resulted from the meetings of the narrators with the author of these lines – a historian, the editor, and the compiler of the book – which were held between 2000 and 2009. Transcripts of the interviews constituted the major part of the extensive work with the Russian-speaking witnesses of the war and post-war years.

All 12 contemporary witnesses were differed from each other in education, social background, and readiness to serve in the organs of occupation authority; each of them had their personal experience in post-war Germany. Because of different level of communicative experience in later life, each of them was more or less prepared for a public retrospect. But the questions asked in the interviews were new for all of them. They openly admitted that. No one had ever publicly asked them any questions about their personal impressions of everyday life in post-war Germany. And now they were asked not about heroism in war but about private everyday events which occurred during an unusual period of their life in a foreign country. Ten of the narrators presented in the book stayed in the Soviet Occupation Zone as adult Soviet citizens and fulfilled the assignments of their government, in one instance even after 1949. Almost all of them fought at the front. Only two of the interviewees had no military experience: an engineer who had been exempted from active duty as an indispensable employee, and until the end of the war he worked for the economy of his home country in the Soviet Union, and a relatively young at the time female university graduate. Two narrators shared their childhood memories: their parents had stayed in Germany with Soviet service assignments. The narratives were different in length, concreteness and vividness; they were critical and introspective in different ways. There are biological reasons for the fact that only the younger of those who fought in the war in low ranks are represented by our contemporary witnesses. On the other hand, the selection of witnesses according to social criteria was possible. Of primary interest here is the experience of ordinary men who took low- or middle-ranking positions in the occupation organs. Three of the contemporary witnesses became quite prominent after their stay in Germany as a result of professional growth: Poltorak, a military man; Shafir, a prosecutor; and Galkin, a historian. This, of course, does not reflect the actual historical proportion and is accounted for by the fact that it was difficult to find any contemporary witnesses at all.

Since 2000, the author has conducted seminars at Russian universities and participated in conferences on oral history and historical memory and at the same time conducted interviews on different topics. The experience gained shows that the reticence towards the interviewer from Germany did not go beyond the usual. The frankness of a “living source” was more dependent on the general circumstances of

the dialogue. This also applies to the interviews on the subject of everyday life in the Soviet Occupation Zone. The free narrative interviews resembled a casual conversation. Some meetings had been arranged by Russian acquaintances, and three of the contemporary witnesses had taken up residence in Germany by the time of the interviews. All the interviews were held in the atmosphere of frankness.

The interviewees were asked to recount the time they spent in post-war Germany, beginning with the moment when they arrived there. For the author of the project, to take a contemporary witness seriously meant to give him space, both for the story of what preceded his experiences in Germany and of what happened afterwards. Experiences of war, generalized life experience, and words of wisdom were just as welcome as the expression of personal opinion in the current open discourse. Questionnaires were not used. The interviews were conducted by a German, a Russian-speaking representative of the second post-war generation, and the compiler of this book afterwards.⁵ In several instances, there was certain shyness at the beginning, which, however, hardly differed from what can be felt during the interviews in one's own culture when an interviewee is asked about their private life. The aim was to elicit the impressions relevant to everyday life and, as expected, the questions about privacy seemed to the interviewees quite strange.

It was not easy to lead those interviewees who were versed in public presentation of history and tradition formation to this almost devoid of ideology topic, while the 'ordinary,' rather inconspicuous contemporary witnesses who had not been interviewed earlier, were more willing to engage in reminiscences, which followed the public patterns to a lesser extent and more resembled a neighborly conversation. Depending on the need to express themselves and the storytelling skills, the passages on the war varied in length. With the exception of Mr. Shafir, who preferred to focus on professional matters as military prosecutor, all contemporary witnesses gave an account of their personal circumstances and experience in Germany.

Of course, none of the interviewees started talking about the simplest things of their own accord. Probably, it was considered trivial to talk about food, accommodation, clothing, leisure, and homesickness. More than once it was said, "Is what I am telling here really important?" The uncertainty resulted from the personal expectations in the dialogue and from the public narrative traditions. Of all the contemporary witnesses, only Ms. Bogomolova, a social scientist, grasped and accepted the idea immediately and unreservedly. The interviews focused on everyday life and personal experiences, so political statements could be left out. And it was fortunate, because some interviewees would not have shared so much private details if they had had the feeling that they were obliged to declare their political views.

⁵ Aleksandr Galkin was interviewed by Natalia Timofeeva, a Russian historian. The author thanks her for her help and initiative.

What can we learn from the narratives and what is missing?

Individual narratives of foreigners about us, Germans, and about encounters with us are important and necessary amendments to our self-awareness. They influence the formation of our identity. Even those extracts which do not focus on direct contacts, such as foreign descriptions of our German forms of living and communication, enrich our self-awareness. Therefore, multiperspectivity belongs to our historical discourse, and rightly so. This is especially true for the comprehension of the war and post-war events. We should comprehend the experience of the Soviet representatives of the victorious power which was formed in the context of fierce struggle against German Fascist invaders, which took numerous lives but ended in victory.

The narratives reveal a lot of unknown information. Since the research into everyday life in the occupation institutions is only beginning, much of the facts and interconnections presented in the book are relevant: data on barracking the occupation troops, regulations for food supply and remuneration, subordination, interaction between different institutions, the problems of discipline. We can get some clues to the employment of German workers, co-existence with landlords, interaction with the representatives of the western Allies, preferences in spending leisure time, family life of the officers, private relations with Germans, etc. Of course, these subjective statements do not have the quality of proof, nevertheless they are evidence. In addition to other sources related to individual experience of life in the Soviet Occupation Zone, they reveal some basic attitudes and practices that can be considered as common.

There is one more thing that strikes the eye in the narratives. It is what has hardly been preserved in German reflection, or, when it has, is often regarded as a misinterpreted element of communist propaganda. It is certain tolerance of the victors to the idiosyncrasies of the defeated. In the words of the victorious actors of the time, we find unexpected interest and understanding and even compassion to the situation of the defeated. The desire for revenge does not reveal itself in any way, even latently, and this is despite much worse general and personal war experience, which could have justified such a desire. Of course, the question arises whether such attitude was widespread back then or is presented in such a way only today.

Furthermore, it is noticeable in many autobiographical texts that the memory of the victors neither describes extreme acts of violence against Germans nor questions them, although they were numerous, especially in 1945.⁶ Very few ego-sources on this subject come to light and their appearance is partly stimulated by the interest and efforts of German researchers.⁷ In this respect, the memoirs presented in the book can

⁶ Authentic evidence can be found in the book by Lev Kopelev *To Be Preserved Forever!* (L. Kopelev, *Aufbewahren für alle Zeit!* (Hamburg: Hoffmann und Campe, 1976)).

⁷ E.g. Hansestadt Rostock, Kulturhistorisches Museum Rostock, Steffen Stuth, comps., *Eine Stimme aus dem Jahr 1945: das Tagebuch des Panzersoldaten Iwan Panarin* [A Voice from 1945:

give us very little. Primarily, they offer us a different picture: stories about carefree private tours over Germany, cultural experiences, episodes with German nannies and housekeepers, confessions to love affairs and business dealings, and all this with little thoughts of revenge or superiority of the victors. Possibly, it could be explained by the fact that among the Soviet victors, the need to punish the defeated was in fact not so much pronounced as some of the German memoirs of the events of 1945 would want us to believe. Archival sources show that the urge to dishonor or humiliate the defeated enemy was not among the motives of the crimes committed after May 1945. Further research into this issue will be conducted as it is necessary to establish the motives for such behavior. Only a few of the interviewees referred to the acts of violence committed by the Red Army soldiers or to the current discourse thereof. The interviewees did not mention or chose to leave out such common in Germany elements of the image of the occupiers as alcoholism, disorderly conduct, and theft, which are perceived as improper in German discourse but are repeatedly used to label the Russians as such.

The subject of the relationships of the servicemen of the occupying forces with German women, which determines German discourse, was given only a passing mention by our contemporary witnesses. In Germany, we are far from discussing this subject without resorting to clichés, one of which would include referring to rape as to the main form of contact between Germans and Russians at the end of the war. In Germany, public discourse on this subject, in which the media set the tone, complicates an objective retrospective overview. In Russia, it is also a difficult explosive issue. What the contemporary witnesses presented in the book had to say on this subject is suitable neither to illustrate real events nor to measure the objective potential of violence at that time. Only one of the three women said that rape was a mass phenomenon and shared her views on its causes. Another female contemporary witness hinted on some consistent patterns. The men from among our interviewees hardly said anything about violence against women and claimed that they had not noticed anything of the kind. The reluctance of the interviewees to discuss this issue originates from the discussion which is regarded in Russia as highly problematic and tarnishing national honor. Love affairs with German women and girls, on the other hand, seemed to have been anything but rare. In a friendly way and quite confidently, some men confessed to their love affairs. In general, there is an impression that today the acts of violence committed by the servicemen of the Soviet occupying forces is understated in private and public retrospective overviews in Russia, and in the German discourse, on the contrary, they are still exaggerated and presented as a crucial issue.

the diary of tank soldier Ivan Panarin] (Rostock: Verlag der Hansestadt Rostock Kulturhistorisches Museum, 2015).

It is also remarkable that during their everyday coexistence with Germans, Russians hardly ever asked them about their involvement in Nazism. In the film *Ich war neunzehn* [I was nineteen] (1969), the director Konrad Wolf,⁸ a former Red Army soldier, presented an encounter between an intellectual from the ranks of the Red Army and a German scholar in the humanities as a climactic scene in the research into the causes: the German presented his political beliefs. Obviously, such scenes during civil contacts were out of the question. The victors dealt with those whom they encountered in a pragmatic way: with a goal in mind but with no ambition to re-educate them. It is also surprising that among the personnel of the occupation authorities there was a widespread belief that the majority of true Nazis had fled to the West. Even the earlier narratives of the victors tell us that the Soviet Occupation Zone was considered to be the territory liberated from Fascism.

We already know that restraint and submissiveness of the defeated Germans astonished the victors. It is already known from the conventional sources that after May 1945 there was no significant resistance (*Werwolf*⁹) and no open manifestations of hatred and protest; rather, they were occasional isolated hostile acts. Some Red Army soldiers attributed submissiveness of Germans to their urge for order and discipline while others explained it by war fatigue. In our interviews, none of the contemporary witness talked about Anti-Sovietism and Anti-communism which continued to exist in Germany. Even the Jewish servicemen of the Red Army did not attach any importance to discussing how long racism ideology was present in the territory of Germany after its capitulation. Moreover, often the Germans seemed to the Russians friendlier than they really were. All this certainly speaks in favour of the victors. On the other hand, these observations can be opposed to numerous cases of excessive punishment and cruel persecution for comparatively harmless acts of disobedience, such as concealing grain reserves.

* * *

⁸ Konrad Wolf was a German film director, President of the GDR Academy of Arts. He was born on October 20, 1925 into the family of Friedrich Wolf, a writer and a doctor. In 1933 the family immigrated to France, and in the spring of 1934, to the Soviet Union. In 1936 he acquired Soviet citizenship. In 1942 he was conscripted into the army. He served as a translator in the Seventh Directorate of the 47th Army.

⁹ At the end of the war, the Nazi state and the SS planned to deploy a secret guerilla organization called *Werwolf* (a werewolf in Germanic mythology) in the German territory occupied by the enemy. In the spring of 1945, arsons, murders and other acts of diversion were committed. However, in view of the active countermeasures taken by the Allies, the German population did not show any desire to be involved on a massive scale. The disjunct local resistance, exposed by the Soviet secret services in the Soviet Zone after May 1945, was often mistakenly considered to be a widely organized phenomenon and had little to do with *Werwolf*.

This book is a reading book with pictures. There is no direct connection between the stories and the photographs. They complement each other and make it possible to take a look at the previously neglected private dimension of life of the Group of Soviet Occupation Forces in Germany from 1945 to 1949. It is obvious that neither the stories and the pictures, nor the combination of both can cover the whole wide spectrum of real experiences and practices. The events described and the attitudes expressed do not constitute a justified selection for sociological or cultural analyses. We know that there were other actors and other events in post-war Germany. A lot of much more painful episodes, harder destinies, more difficult challenges befell both the Germans and the Russians, and occurred at the moments of their encounter.

Does the book confirm the culture shock hypothesis, i.e. the idea that the eastern conquerors and liberators were greatly impressed by the general civilizational superiority of the West in Central Europe in 1945 and would prefer to stay there? No. The number of deserters is not documented. Of approximately five million prisoners of war who were liberated in Germany and *Ostarbeiter*, just one in twelve did not return to the USSR, and mostly those were the natives of the Baltics and Western Ukraine. As is well known, in some cases the motives were not connected with the cultural level. However, our contemporary witnesses did not belong to this group. They were more or less integrated into the system or simply more rooted to their native soil and were glad to return home when their service was over. So the texts and photos do not represent all Russians in Germany in 1945–49. But even without being generalizable, they are good enough to offer the German community some interesting experience presented from a non-German perspective.

Seventy five years after the end of the Second World War, this change of perspective is very much recommended in Germany. Fifteen years ago, letters of the Red Army soldiers opened access to their individual perception of Germany and the Germans at the end of the war.¹⁰ And here is the sequel – examples from the personal narratives of the victors who served in the Soviet Occupation Zone in post-war Germany.

Список литературы

Kopelew L. Aufbewahren für alle Zeit! – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1976. – 955 S.

Eine Stimme aus dem Jahr 1945: das Tagebuch des Panzersoldaten Iwan Panarin / Hrsg. Hansestadt Rostock, Steffen Stuth. – Rostock: Kulturhistorisches Museum Rostock, 2015. – 126 S.

Rotarmisten schreiben aus Deutschland. Briefe von der Front (1945) und historische Analysen / Hrsg. Elke Scherstjanoi. – München: De Gruyter Saur, 2004. – 447 S.

¹⁰ Scherstjanoi, E., comp., *Rotarmisten schreiben aus Deutschland. Briefe von der Front (1945) und historische Analysen*. München: De Gruyter Saur, 2004.

References

Kopelew, L. *Aufbewahren für alle Zeit!* Hamburg: Hoffmann und Campe, 1976.

Kulturhistorisches Museum Rostock, and S. Stuth, comps. *Eine Stimme aus dem Jahr 1945: das Tagebuch des Panzersoldaten Iwan Panarin*. Rostock: Kulturhistorisches Museum Rostock, 2015.

Scherstjanoi, E., comp. *Rotarmisten schreiben aus Deutschland. Briefe von der Front (1945) und historische Analysen*. München: De Gruyter Saur, 2004.

Эльке Шерстяной
Doctor habilitatus,
Научный сотрудник
Института современной истории
Ассоциации Лейбница,
Мюнхен–Берлин, Германия
scherstjanoi@ifz-muenchen.de

Elke Scherstjanoi
Doctor habilitatus,
Research fellow,
Leibniz Institute
for Contemporary History,
Munich-Berlin, Germany
scherstjanoi@ifz-muenchen.de